

Внешние связи регионов КНР

Теоретические и географические рамки исследования

Выбор кейса КНР. КНР – оптимальный пример для анализа взаимодействия государства и внутренних регионов. Во-первых, это возможность на примере одного государства проанализировать многообразие способов приспособления различных территорий к вызовам глобализации. Этому способствует административно-территориальный состав [44], единицы которого отличаются по уровню развития, культурным особенностям и преимущественной ориентации внешних связей. Во-вторых, выбор отличается научной новизной – по формальным признакам Китай не является федеративным государством [43], его внутригосударственные регионы (ВГР) редко рассматриваются специалистами. В-третьих, высокая активность КНР на международной арене сегодня подразумевает применение широкого спектра инструментов повышения конкурентоспособности, среди которых и сотрудничество с ВГР.

ВГР в исследовании. Понятие "регион" многозначно: термин употребляется как в отношении частей отдельных государств, так и для обозначения компонентов мирового пространства [1, с. 40, 54]. В настоящем исследовании деление на ВГР совпадает с внутренними административно-территориальными границами [4, с. 596], ВГР предлагается понимать как конструкт, сформированный в политических и аналитических целях. Такие регионы в рамках государства не обладают равным влиянием в мировой политике, не одинаково активны в выстраивании связей с другими регионами. Поэтому к регионам-акторам в полном смысле относятся как минимум не все административно-территориальные единицы, а степень их международной акторности варьируется.

Теоретическая основа исследования. Роль негосударственных акторов в мировой политике исследуется с 1970-х гг. [28, с. 334–368], однако классические теории не характеризуют отношения государства и ВГР. В то же время с позиции тех же теорий цели государств на международной арене по-прежнему формулируются как стремление обрести и расширить возможности контроля разнообразных потоков, повысить его эффективность [18, р. 11] внутри границ и за их пределами. П. Катценштайна и Р. Сил [30, р. 411–431] разрешают противоречие вводом "аналитический эклектизм" – нового инструмента анализа мировых событий. Подход позволяет анализировать проблемы, не укладывающиеся полностью ни в одну из существующих парадигм, за счёт совмещения наработок исследователей, придерживающихся различных парадигм. Растущую активность ВГР объясняет неолиберальное направление, а реализм – действия КНР как государства, во внешней политике сконцентрированного на вопросах суверенитета и территориальной целостности [3, с. 126].

Акторность ВГР в международных отношениях называют "парадипломатией" (от англ. "parallel diplomacy") [15], под которой понимают любую активность ВГР, выходящую за пределы национальных границ [25, р. 92]. Причины её развития – растущая турбулентность мирового порядка и "эрозия традиционных параметров" среды: выход на глобальный уровень некогда внутренних вопросов территориального деления и культурной идентичности [1, р. 55]. Основным ресурсом регионов становятся управленческие возмож-

ности [2, с. 40]; вместе с глобальными городами регионы приобретают ценность связующих элементов, единиц контроля и управления потоками распределённых по миру производственных, образовательных и финансовых кластеров.

Институциональные и внутривластные рамки акторности ВГР КНР

Считается, что в унитарных государствах формирование и реализация внешнеполитического курса просты, поскольку "большинство полномочий принадлежат и реализуются центральным правительством" [29, р. 3]. Утверждение не вызывает возражений, если игнорировать внутривластную расстановку сил и политический процесс, однако как минимум в рассматриваемом кейсе над формальными факторами вроде закреплённого в конституции территориального устройства доминируют устойчивые практики взаимодействия и расстановка сил, что в итоге приводит к значительным возможностям властей ВГР. Поясним тезис на примерах.

Конституция и институты. Компартия строила Китай как централизованное государство с плановой экономикой. На начальном этапе отдельные элементы были заимствованы у СССР и просуществовали до реформ конца 1970-х гг. [8, р. 76]. Реформаторы решали задачу построения процветающего рынка, преобразования активно вовлечённого в экономические процессы государства в децентрализованный механизм, поддерживающий и дополняющий, а не ограничивающий рынок [22, р. 1719–1742].

Аргументы в пользу частичной децентрализации сводятся к тому, что власти на местах лучше владеют ситуацией [19, р. 519–530], а передача им полномочий в том числе по экономическому регулированию повышает ответственность [22, р. 1720]. В КНР сформировавшийся механизм административно-территориального устройства Сю Ченган охарактеризовал как "регионально децентрализованную авторитарную систему" [36, р. 1076]; отсылка к авторитарному режиму здесь доминированием политического процесса над формально описанными в Конституции институциональными параметрами.

Согласно конституции, в провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения формируются местные собрания народных представителей и народные правительства, представляющие центр. В то же время, согласно ст. 115 Конституции, органы власти обладают автономией в адаптации положений правительства. Эксперты заключают: в действительности в зоне контроля центральных властей, особенно в экономике, лежит небольшая сфера [36, р. 1082]. Сложившийся режим управления отличают одновременно высокая политическая централизация и региональная децентрализация управления экономикой. Важна роль механизма ответственности региональных чиновников перед центром. В отличие от многих федераций, власти на местах назначаются и продвигаются по службе централизованно. Это вынуждает их строже следовать указаниям центра, но также подталкивает к решению или маскировке проблем вверенного региона. Если регион демонстрирует более высокие темпы роста, чем другие, его глава накапливает влияние и получает большее поощрение.

Полномочия региональных властей ярко проявляются в фискальной сфере. После 1979 г. центр передал на места право распоряжаться дополнительными сгенерированными доходами. Это простимулировало предприимчивость региональных властей, а в долгосрочной перспективе помогло госбюджету – возникавшие социальные обязательства государства реализовывались за счёт региональных бюджетов [9, р. 77]. Источники их пополнения местное руководство искало в том числе за рубежом – регионы начали больше конкурировать за размещение зарубежных производств и открытие особых экономических зон [22, р. 1721]. Создание последних – ещё один фактор роста влияния региональных властей и превращения КНР в одного из крупнейших получателей прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в мире. В контексте исследования примечательно, что идею внедрения такой зоны изначально выдвинули власти провинции Гуандун [36, р. 1113].

Несмотря на сохранение в КНР системы госпланирования времён Мао Цзэдуна, сегодня значение пятилетних планов снизилось: они главным образом задают вектор развития страны. Инициативы и даже содержание планов

в данном случае остаются компетенцией и зоной лоббизма региональных властей [21, p. 4]. Подобная ситуация открывает ВГР возможность самостоятельного разрабатывать и добиваться включения в национальный план стратегий, ориентированных и на прибыльные внешние контакты за счёт создания особых условий содействия местному росту [12, p. 42].

Политический фактор. Чтобы объяснить реформы 1970-х–1980-х гг. власти скорректировали идеологию и частично трансформировали правящую партию. С началом реформ революционную идеологию Компартии КНР сменила концепция "прагматичной компетентности". Лозунг "Только Компартия может спасти Китай" сменил "Только Компартия может развивать Китай" [23, p. 57]. Основой легитимности стало экономическое развитие и рост качества жизни. Новый подход закрепили в уставе Компартии на XV съезде. Отныне решения должны были соответствовать "универсальным критериям политики": вносить вклад в увеличение производительных сил; повышать национальную мощь; удовлетворять материальные и культурные потребности граждан [40, p. 92].

В 2000-е гг. власти закрепили смену оснований легитимности Компартии и режима началом пространственного перераспределения роста: отныне важно было не просто повышать уровень жизни и цифры душевого ВВП или делать это равномерно, но обеспечивать *опережающее развитие* внутренних регионов, за два десятилетия реформ усиливших отставание от прибрежных [26, p. 31]. Функционеры вынуждены были демонстрировать, что способны эффективно управлять вверенными им сферами, решать политическую задачу "выравнивания" показателей уровня жизни [35, p. 1]. Решением стали региональные эксперименты, в форме которых запустили значительную часть успешных реформ [36, p. 1079]. В рамках экспериментов расширили присутствие негосударственных компаний, в том числе с привлечением иностранного капитала, компаний, находящихся в собственности муниципалитетов или сельских поселений. Эксперименты стали главной возможностью чиновников на местах добиться карьерного продвижения [11, p. 104], одновременно они привели к автономизации регионов. Крупнейшие города и наиболее развитые провинции благодаря реформам стали влиятельными игроками мировой экономики [17, p. 104]. Среди этих ВГР – Пекин, Шанхай, провинции Гуандун, Чжэцзян, Цзянсу, Шаньдун и Хэбэй [33]. Каждый по размерам экономики и годовому ВВП превышает размеры экономик многих других государств.

Предпосылки использования фактора ВГР во внешней политике КНР

Представить внешнеполитические подходы КНР, несмотря на закрытый характер политического процесса, можно по т.н. "белым книгам" по отдельным вопросам мировой политики, выступлениям, а также опосредованно – по работам элитологов. В конце 1990-х гг. Дэн Юн охарактеризовал представления элиты как нестабильную смесь подходов: от реалистского-изоляционистского до либерального, подразумевавшего наращивание взаимозависимости с другими государствами [13, p. 309]. Автор описал не устоявшуюся концепцию, но лишь отразил процесс её формирования. Произошедшую к настоящему моменту трансформацию Дж. Баохуэй описал как отход от тактики выжидания, при которой внешняя политика полагалась на фактор времени как главного союзника [38, p. 40]. Ситуация начала меняться с конца 2000-х гг., когда темпы роста стабилизировались, а экономические показатели перестали играть прежнюю роль. На этом этапе цель КНР обрести новое положение на мировой арене начала доминировать в сознании элит. На фазе экономического подъёма Китай максимально пользовался преимуществами сложившегося порядка и не испытывал потребности менять его; угроза же сокращения получаемых от поддерживаемого статус-кво преимуществ потребовала пересмотра подходов во внешней политике.

Принципы современной глобальной политики КНР Си Цзиньпин озвучил в 2014-м г. на Конференции работников сфер, имеющих отношение к международным отношениям [46]. Цели приурочены к столетним юбилеям основания Компартии (2021 г.) и КНР (2049 г.): удвоение ВВП уровня 2010 г. и завершение строительства "современной социалистической страны". В качестве третьей обозначена реализация "китайской мечты о великом возрожде-

нии китайской нации". Цели, перечисленные на конференции работников, специализирующихся на внешней политике, можно свести к партийной пропаганде, но можно увидеть в них и сигнал внутренним и международным элитам. Рост экономических индикаторов в Китае, несмотря на начало переориентации экономики на внутренний рынок [9, p. 2], по-прежнему во многом определяется внешней конъюнктурой и, соответственно, интенсивностью внешних связей.

Си Цзиньпин подтверждает приверженность т.н. "Пяти принципам мирного сосуществования", готовность строить равные отношения в условиях многополярного мира. Среди них важна готовность КНР рассматривать себя в роли лидера развивающихся государств [32]. Одним из последних событий, демонстрирующих высокую значимость внешних связей для будущего КНР, является изменение конституции. Одобрены поправки к 12-му параграфу Преамбулы Конституции КНР: формулировка "Развитие дипломатических отношений со странами и экономическими и культурными обменами" записана как "Развитие дипломатических отношений с другими странами, а также экономические и культурные обмены и содействие созданию сообщества единой судьбы" [42]. Изменения расширяют признаваемый последние несколько десятилетий подход к многополярности [5]. Китай на уровне высшего закона констатирует стремление активнее развивать внешние связи, провозглашает идеологическую рамку развития.

Экономическая составляющая объясняет связь политики центра в отношении ВГР и внешнеполитическую стратегию. Исторические сложившиеся экономические дисбалансы в развитии регионов [26, p. 5] воздействуют на внешнеполитическую линию и систему госуправления, влияют и на поведение региональных элит, заинтересованных в "выравнивании" или "догоняющем развитии" регионов. Инструменты парадипломатии теоретически – при согласии центра или наличии достаточных институциональных оснований – открывают перед ними такие возможности [25, p. 109].

В 2002 г. в рамках политики "выравнивания" подготовлена "Стратегия возрождения старопромышленной базы Дунбея", ориентированная сразу на несколько регионов северо-востока. Запущенный в начале 2010-х проект "Один пояс – один путь" также изначально ориентировался на ряд отстающих в развитии западных регионов. Проекты показывают: центр решает проблему экономического дисбаланса за счёт запуска новых программ помощи либо включения тех или иных регионов в существующие. В то же время, расширяя финансовые возможности регионов и повышая значение развития внешних связей лично для местных руководителей, программы не влияют на институциональные рамки внешних связей ВГР. Аналогично задаче "выравнивания" служат известные в международном контексте т.н. "побратимские связи" между городами и регионами отдельных государств. В частности, параметры регионального сотрудничества китайских ВГР с субъектами РФ корректировались в рамках существующих договорённостей [47] в соответствии с актуальными интересами центра и региональных властей.

В КНР вовлечённость ВГР в мировую политику не стоит рассматривать как отказ центра от собственной внешней политики, она лишь расширяет спектр доступных инструментов за счёт более эффективного использования ВГР и их возможностей [20, p. 26]. Региональные правительства в транснациональном измерении получают доступ к более гибким сетям международного участия, чем государства [41, p. 4]. ВГР эффективно дополняют и расширяют государственную внешнюю политику, реализуя при этом собственные интересы. Избежать рассогласованности позволяет особая организационная структура: общее решение принимается небольшой группой, которую возглавляет губернатор провинции или секретарь провинциального отделения КПК [41, p. 5]. Благодаря участию представителей партии, непосредственно подчиняющихся центральному партийным органам, в координации проектов достигается согласованность позиций. На уровне исполнителей провинциальные канцелярии иностранных дел делят ответственность за внешние контакты с комиссиями по внешней торговле и экономическому сотрудничеству. Соответственно, первые отвечают за политическую сторону связей, а комиссии – за внешнеэкономические аспекты внешних контактов региона.

Провинциальные канцелярии реализуют госполитику в регионах, организуют приёмы иностранных делегаций, протокол зарубежных визитов региональных властей. Одновременно канцелярии занимаются визовыми вопросами местных официальных и деловых поездок за границу; координируют и продвигают сотрудничество с городами-побратимами и ВГР других стран; осуществляют управление консульскими делами и мониторинг деятельности иностранных СМИ [41, р. 6]. Из перечисления видно: региональные канцелярии иностранных дел, хотя и подчиняются центральному правительству (как и все чиновники на местах) политически, по своим функциям являются одновременно и представителями интересов местных властей.

Центральное правительство за счёт подобной децентрализации базовых функций расширяет международную акторность регионов, снижая нагрузку на аппараты ведомств и организаций, ответственных за общее осуществление внешних связей. В то же время главное ограничение свободе внешних связей провинций создаёт общее для ВГР практически всех стран отсутствие полноценного признания на международной арене. Не являясь суверенными субъектами международного права [25, р. 94], ВГР вынуждены выступать лишь в роли агентов влияния. Однако это же двоякое положение открывает для провинций и городов центрального подчинения возможности, недоступные центральному правительству. Например, именно ВГР отвечает за расширение контактов с государствами, которые в связи с политикой "одного Китая" не признают КНР и, соответственно, не имеют официальных отношений с ней [41, р. 6].

Наибольшая активность характерна для развитых регионов, расположенных на побережье. Эти провинции чаще взаимодействуют с представителями государств и другими ВГР. Многие имеют собственные представительства за рубежом, хотя чаще подобные функции передаются не специальным подразделениям, а зарубежным представительствам принадлежащих соответствующим провинциям торговых компаний. Например, правительством Шанхая создано шесть официальных зарубежных офисов в рамках Шанхайского совета по развитию зарубежных инвестиций – правительственного органа, созданного ещё в 1999 г. для привлечения ПИИ. Офисы расположены в Лос-Анджелесе (США), Осаке (Япония), Лондоне (Великобритания), Франкфурте и Гамбурге (Германия) и в Роттердаме (Нидерланды) [41, р. 6]. К настоящему моменту подобные советы расширили функционал и оказывают в том числе консультационные услуги, помогая местным городским или провинциальным компаниям.

Позицию местного бизнеса не всегда можно однозначно отделить от интересов центральных или тем более региональных властей: противоречия редко становятся достоянием общественности, а совпадающие ведут к совместным проектам и успехам в достижении регионом целевых показателей. Возможности регионов снижать налоговые и административные барьеры, обеспечивать более открытый обмен информацией и планами, финансирование развития инфраструктуры [29, р. 7] применимы не только в отношении иностранного бизнеса, пробующего силы на внутреннем рынке КНР, но и для собственно китайских предприятий, если они действуют в русле интересов местных руководителей.

Провинция Гуандун даёт пример активной внешней политики, реализуемой в течение длительного времени. Когда официальные власти КНР позволили провинциям сохранять процент от полученной иностранной валюты, власти этой провинции пользовались возможностью активнее других [10, р. 16]. Авторы отмечают, что основным стимулом роста экономики провинции Гуандун в конце XX в. стали личные амбиции местных властей, стремившихся сформировать и поддерживать статус региона, задающего тренды в развитии экономики всей КНР [34, р. 290].

Вместе с тем преимущества имеются и у менее развитых регионов, которым в условиях политики выравнивания идёт значительная поддержка. Часто её формой становится делегирование регионам прав изменения некоторых национальных стратегий регулирования ПИИ. ТНК, готовые к серьёзным инвестициям в том или ином регионе (в инфраструктуру, высокотехнологичное развитие, производства для экспортной торговли), предпочитают догово-

риваться с чиновниками регионального уровня в провинциях, обладающих значительным регулятивным влиянием [27, р. 19].

Направленность внешних связей провинций не ограничивается вопросами экономики: ВГР КНР – активные акторы в сфере публичной дипломатии. В данном аспекте интересы регионов и центра тоже главным образом совпадают: провинциям в связи с этническими или лингвистическими особенностями населения проще поддерживать отношения с определёнными государствами или целыми мировыми регионами; центральные же власти всячески стремятся повысить эффективность собственной мягкой силы – использование регионов способствует достижению этой цели [14]. Это проявляется в приграничных районах, где сконцентрированы национальные меньшинства, пересекающиеся с этносами соседних государств. Примеры этому можно найти на Дальнем Востоке (регионы китайского Дунбея, населённые этническими корейцами) и в западных регионах: Синьцзяне, Юньнани, Гуанси. Их население близко по языку и обычаям, что облегчает налаживание связей, культурные обмены, помогает развивать туризм, в целом улучшает мнение о государстве за рубежом. Лучшее понимание между населением пограничных районов повышает и инвестиционную привлекательность, следовательно, провинциальные власти сами оказываются заинтересованы в укреплении контактов, которые в дальнейшем могут сказаться на экономике вверенных им территорий.

Заключение

Положение китайских ВГР определяет внутренняя и внешняя политика КНР. Эволюция последней выразилась в осознании элитами связи между статусом Китая на международной арене и успехами внутреннего развития. Переход страны к рыночной экономике, дополненный политически обусловленной необходимостью повышения эффективности системы госуправления, выразился в существенном перераспределении полномочий между центром и ВГР в пользу последних.

Несмотря на формально унитарный статус государства, в КНР к настоящему времени оказалась внедрена система фискальной децентрализации, а власти в провинциях и автономных районах обладают широкими полномочиями по социальному и экономическому развитию. Формирование "регионально децентрализованной авторитарной системы", создающей впечатление повышения эффективности управления за счёт делегирования полномочий и выстраивания меритократической системы продвижения по службе, стало отчасти вынужденным шагом в условиях смены модели поддержания легитимности Коммунистической партии КНР.

Французский исследователь М. Дуран вводит четыре критерия оценки акторности ВГР: "власть", "присутствие", "автономия", "возможность" [16, р. 346]. Проведённый анализ показывает соответствие регионов КНР этим критериям: они обладают институциональными основаниями участвовать в мировой политике; зарубежные ТНК и другие регионы напрямую выстраивают контакты с регионами КНР, фактически признавая их самостоятельную идентичность. Больше того, власти ВГР имеют возможность развивать собственную инфраструктуру внешних связей – создают торгпредства и канцелярии, а их действия за пределами национальных границ не противоречат логике внешней политики, определяемой центральными властями.

Литература

1. Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика, 2012. Т. 8. № 2. С. 30–58.
2. Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: тренды развития // Вестник МГИМО-Университета, 2013. Т. 28. № 11. С. 38–42.
3. Лебедева М.М. Система политической организации мира: "Идеальный шторм" // Вестник МГИМО-Университета, 2016. Т. 47. № 2. С. 125–133.
4. Мельвил А.Ю. Мир политической науки. Кн. 1. М.: Просвещение, 2015. 596 с.
5. Самойлов Г.М. Глобальное видение для партнёров: что Китай предлагает России и США // Внешняя политика, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.>

foreignpolicy.ru/analyses/globalnoe-videnie-dlya-partnyorov-cto-kitay-predlagaet-rossii-ssha/ (дата обращения: 18.4.2018).

6. Сергеев В.М., Казанцев А.А. Сетевая динамика глобализации и типология "глобальных ворот" // Полис, 2007. Т. 2. С. 18–30.

7. Andersson A., Andersson D. Gateways to the Global Economy. Northampton, MA: Edward Elgar Pub, 2000. 416 p.

8. Bergsten C., Freeman C. Center-Local Relations: Hu's in Charge Here? // China's Rise: Challenges and Opportunities, 2008. P. 75–89.

9. Bowles P. Rebalancing China's growth: some unsettled questions // Canadian Journal of Development Studies, 2012. № 1. Vol. 33. P. 1–13.

10. Cheng J. Local Government's Role in a Transitional Economy: The Case of Guangdong // China in the Reform Era, 1999. P. 9–33.

11. Cheung P., Chung J., Lin Z. Provincial Strategies of Economic Reform in Post-Mao China: Leadership, Politics, and Implementation. Routledge: CRC Press, 2016. 328 p.

12. Chien S., Gordon I. Territorial competition in China and the West // Regional Studies, 2008. Vol. 42. № 1. P. 31–49.

13. Deng Y. The Chinese conception of national interests in international relations // The China Quarterly, 1998. Vol. 154. P. 308–329.

14. D'Hooghe I. China's public diplomacy shifts focus: From building hardware to improving software // The Asia Dialogue, [Электронный ресурс]. – URL: <https://cpianalysis.org/2013/10/24/chinas-public-diplomacy-shifts-focus-from-building-hardware-to-improving-software/> (дата обращения: 10.5.2018).

15. Duchacek I. The international dimension of subnational self-government // Publius: the journal of federalism, 1984. № 4. Vol. 14. P. 5–31.

16. Duran M. French regions as diplomatic actors: The case of Provence-Alpes-Côte d'Azur // French Politics, 2011. Vol. 9. № 4, P. 339–363.

17. Fornes G., Mendez A. The China-Latin America Axis. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2018. 343 p.

18. Gilpin R. Political Economy of International Relations / R. Gilpin – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1987. 449 p.

19. Hayek F.A. The use of knowledge in society // The American economic review, 1945. № 4. Vol. 35. P. 519–530.

20. Hocking B. Localizing Foreign Policy: Non-central Governments and Multilayered Diplomacy. London: Palgrave Macmillan, 1993. 249 p.

21. Jacob J. China's Provinces and Foreign Policy: Lessons and Implications for India and Its States // Institute of Chinese Studies Working Paper, December 2014. P. 2–14.

22. Jin H., Qian Y., Weingast B.R. Regional decentralization and fiscal incentives: Federalism, Chinese style // Journal of public economics. 2005. № 9–10, Vol.89. P. 1719–1742.

23. Jing Y. Creative Incrementalism: Governance Reforms in China Since 1978 // Chinese Political Science Review, 2017. Vol. 2. № 1. P. 56–68.

24. Lawson C. Towards a competence theory of the region // Cambridge Journal of Economics, 1999. Vol. 23. № 2. P. 151–166.

25. Lecours A. Paradiplomacy: Reflections on the foreign policy and international relations of regions // International Negotiation, 2002. Vol. 7. № 1. P. 91–114.

26. Lemoine F. et al. The Geographic Pattern of China's Growth and Convergence within Industry // Working Paper CEPPI, 2014, № 2014-04. 46 p.

27. Luo Y. From foreign investors to strategic insiders: Shifting parameters, prescriptions and paradigms for MNCs in China // Journal of world Business, 2007. Vol. 42. № 1. P. 14–34.

28. Mansbach R.W. The web of world politics: nonstate actors in the global system. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1976. 326 p.

29. Michelmann H. Foreign relations in federal countries. Vol. 5. London: McGill-Queen's Press-MQUP, 2009. 413 p.

30. Sil R., Katzenstein P. Analytic Eclecticism in the the Study of World Politics: Reconfiguring Problems and Mechanisms across Research Traditions // Perspectives on Politics Cambridge University Press, 2010. Vol. 8. № 2. P. 411–431.

31. Steans J. et al. An introduction to International Relations Theory: Perspectives and Themes. Edinburgh: Pearson, 2013. 277 p.

32. Swaine M.D. Xi Jinping's Address to the Central Conference on Work Relating to Foreign Affairs: Assessing and Advancing Major Power Diplomacy with Chinese Characteristics // Carnegie Endowment, [Электронный ресурс]. – URL: <http://carnegieendowment.org/2015/03/02/xi-jinping-s-address-to-central-conference-on-work-relating-to-foreign-affairs> (дата обращения: 18.4.2018).

33. Tavares R. Paradiplomacy: cities and states as global players. Oxford University Press, 2016. 256 p.

34. Van Kemenade W. China, Hong Kong, Taiwan, Inc.: The Dynamics of a New Empire. New York: Vintage, 2010. 476 p.

35. Wang Y., Chang C. Economic transition under a semifederalist government: The experience of China // *China Economic Review*, 1998. Vol. 9. № 1. P. 1–23.
36. Xu C. The fundamental institutions of China's reforms and development // *Journal of economic literature*, 2011. Vol. 49. № 4. P. 1076–1151.
37. Zang X. China in the Reform Era. Nova Science Publishers, Inc., 1999. 158 p.
38. Zhang B. Chinese foreign policy in transition: Trends and implications // *Journal of Current Chinese Affairs*, 2010. Vol. 39. № 2. P. 39–68.
39. Zhang D. The Concept of 'Community of Common Destiny' in China's Diplomacy: Meaning, Motives and Implications // *Asia&the Pacific Policy Studies*, 2018. P. 1–12.
40. Zhang Y., Austin G. Power and responsibility in Chinese foreign policy. ANU E Press, 2014. 307 p.
41. Zhimin C., Junbo J. Chinese Provinces as Foreign Policy Actors in Africa // *China in Africa Project*, 2009. № 22. 21 p.
42. (两会受权发布) 中华人民共和国宪法修正案 (Поправки к Конституции КНР (ВСПИ уполномочено опубликовать)) // *Xinhuanet*, [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2018lh/2018-03/11/c_1122521235.htm (дата обращения: 5.5.2018).
43. 中华人民共和国宪法 (Конституция КНР) // *Chinese Government*, [Электронный ресурс]. Mode of access: http://www.gov.cn/gongbao/content/2004/content_62714.htm (дата обращения: 8.5.2018).
44. 中华人民共和国行政区划 (Административное деление КНР). – 2018. [Электронный ресурс]. Mode of access: http://www.gov.cn/guoqing/2005-09/13/content_5043917.htm (дата обращения: 8.5.2018).
45. 中国的军事战略 (Военная доктрина КНР) // *Chinese Government*, [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2015-05/26/content_2868988.htm (дата обращения: 2.4.2018).
46. 习近平出席中央外事工作会议并发表重要讲话 (Речь Си Цзиньпина на Конференции работников сферы международных отношений) // *Xinhuanet*, [Электронный ресурс]. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-11/29/c_1113457723.htm (дата обращения: 1.05.2018).
47. 1999年中俄关系大事记 (Сотрудничество РФ и КНР в 1999 году) // *Renminwang*, [Электронный ресурс]. URL: <http://world.people.com.cn/GB/8212/104201/104367/10168617.html> (дата обращения: 1.12.2018).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Voskresenskij A.D. Kontseptsii regionalizatsii, regional'nykh podsystem, regional'nykh kompleksov i regional'nykh transformatsij v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh // *Sravnitel'naya politika*, 2012. T. 8. № 2. S. 30–58.
2. Lebedeva M.M. Aktory sovremennoj mirovoj politiki: trendy razvitiya // *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2013. T. 28. № 11. S. 38–42.
3. Lebedeva M.M. Sistema politicheskoy organizatsii mira: "Ideal'nyj shtorm" // *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2016. T. 47. № 2. S. 125–133.
4. Mel'vil' A.YU. Mir politicheskoy nauki. Kn. 1. M.: Prosveshhenie, 2015. 596 s.
5. Samojlov G.M. Global'noe videnie dlya partnyorov: chto Kitaj predlagaet Rossii i SSHA // *Vneshnyaya politika*, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/globalnoe-videnie-dlya-partnyorov-chto-kitaj-predlagaet-rossii-i-ssha/> (data obrashheniya: 18.4.2018 g.).
6. Sergeev V.M., Kazantsev A.A. Setevaya dinamika globalizatsii i tipologiya "global'nykh vorot" // *Polis*, 2007. T. 2. S. 18–30.
7. Andersson A., Andersson D. Gateways to the Global Economy. Northampton, MA: Edward Elgar Pub, 2000. 416 p.
8. Bergsten C., Freeman C. Center-Local Relations: Hu's in Charge Here? // *China's Rise: Challenges and Opportunities*, 2008. P. 75–89.
9. Bowles P. Rebalancing China's growth: some unsettled questions // *Canadian Journal of Development Studies*, 2012. № 1. Vol. 33. P. 1–13.
10. Cheng J. Local Government's Role in a Transitional Economy: The Case of Guangdong // *China in the Reform Era*, 1999. P. 9–33.
11. Cheung P., Chung J., Lin Z. Provincial Strategies of Economic Reform in Post-Mao China: Leadership, Politics, and Implementation. Routledge: CRC Press, 2016. 328 p.
12. Chien S., Gordon I. Territorial competition in China and the West // *Regional Studies*, 2008. Vol. 42. № 1. P. 31–49.
13. Deng Y. The Chinese conception of national interests in international relations // *The China Quarterly*, 1998. Vol. 154. P. 308–329.
14. D'Hooghe I. China's public diplomacy shifts focus: From building hardware to improving software // *The Asia Dialogue*, [Электронный ресурс]. – URL: <https://>

cpianalysis.org/2013/10/24/chinas-public-diplomacy-shifts-focus-from-building-hardware-to-improving-software/ (data obrashheniya: 10.5.2018 g.).

15. Duchacek I. The international dimension of subnational self-government // *Publius: the journal of federalism*, 1984. № 4. Vol. 14. P. 5–31.

16. Duran M. French regions as diplomatic actors: The case of Provence-Alpes-Côte d'Azur // *French Politics*, 2011. Vol. 9. № 4, P. 339–363.

17. Fornes G., Mendez A. *The China-Latin America Axis*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2018. 343 p.

18. Gilpin R. *Political Economy of International Relations* / R. Gilpin – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1987. 449 p.

19. Hayek F.A. The use of knowledge in society // *The American economic review*, 1945. № 4. Vol. 35. P. 519–530.

20. Hocking B. *Localizing Foreign Policy: Non-central Governments and Multilayered Diplomacy*. London: Palgrave Macmillan, 1993. 249 p.

21. Jacob J. China's Provinces and Foreign Policy: Lessons and Implications for India and Its States // *Institute of Chinese Studies Working Paper*, December 2014. P. 2–14.

22. Jin H., Qian Y., Weingast B.R. Regional decentralization and fiscal incentives: Federalism, Chinese style // *Journal of public economics*. 2005. № 9–10, Vol.89. P. 1719–1742.

23. Jing Y. Creative Incrementalism: Governance Reforms in China Since 1978 // *Chinese Political Science Review*, 2017. Vol. 2. № 1. P. 56–68.

24. Lawson C. Towards a competence theory of the region // *Cambridge Journal of Economics*, 1999. Vol. 23. № 2. P. 151–166.

25. Lecours A. Paradiplomacy: Reflections on the foreign policy and international relations of regions // *International Negotiation*, 2002. Vol. 7. № 1. P. 91–114.

26. Lemoine F. et al. *The Geographic Pattern of China's Growth and Convergence within Industry* // Working Paper CÉPII, 2014, № 2014-04. 46 p.

27. Luo Y. From foreign investors to strategic insiders: Shifting parameters, prescriptions and paradigms for MNCs in China // *Journal of world Business*, 2007. Vol. 42. № 1. P. 14–34.

28. Mansbach R.W. *The web of world politics: nonstate actors in the global system*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1976. 326 p.

29. Michelmann H. *Foreign relations in federal countries*. Vol. 5. London: McGill-Queen's Press-MQUP, 2009. 413 p.

30. Sil R., Katzenstein P. Analytic Eclecticism in the the Study of World Politics: Reconfiguring Problems and Mechanisms across Research Traditions // *Perspectives on Politics* Cambridge University Press, 2010. Vol. 8. № 2. P. 411–431.

31. Steans J. et al. *An introduction to International Relations Theory: Perspectives and Themes*. Edinburgh: Pearson, 2013. 277 p.

32. Swaine M.D. Xi Jinping's Address to the Central Conference on Work Relating to Foreign Affairs: Assessing and Advancing Major Power Diplomacy with Chinese Characteristics // *Carnegie Endowment*, [EHlektronnyj resurs]. – URL: <http://carnegieendowment.org/2015/03/02/xi-jinping-s-address-to-central-conference-on-work-relating-to-foreign-affairs> (data obrashheniya: 18.4.2018 g.).

33. Tavares R. *Paradiplomacy: cities and states as global players*. Oxford University Press, 2016. 256 p.

34. Van Kemenade W. *China, Hong Kong, Taiwan, Inc.: The Dynamics of a New Empire*. New York: Vintage, 2010. 476 p.

35. Wang Y., Chang C. Economic transition under a semifederalist government: The experience of China // *China Economic Review*, 1998. Vol. 9. № 1. P. 1–23.

36. Xu C. The fundamental institutions of China's reforms and development // *Journal of economic literature*, 2011. Vol. 49. № 4. P. 1076–1151.

37. Zang X. *China in the Reform Era*. Nova Science Publishers, Inc., 1999. 158 p.

38. Zhang B. Chinese foreign policy in transition: Trends and implications // *Journal of Current Chinese Affairs*, 2010. Vol. 39. № 2. P. 39–68.

39. Zhang D. The Concept of 'Community of Common Destiny' in China's Diplomacy: Meaning, Motives and Implications // *Asia&the Pacific Policy Studies*, 2018. P. 1–12.

40. Zhang Y., Austin G. *Power and responsibility in Chinese foreign policy*. ANU E Press, 2014. 307 p.

41. Zhimin C., Junbo J. Chinese Provinces as Foreign Policy Actors in Africa // *China in Africa Project*, 2009. № 22. 21 p.

42. (两会受权发布) 中华人民共和国宪法修正案 (Popravki k Konstitutsii KNR (VSNP upolnomocheno opublikovat)) // *Xinhuanet*, [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2018lh/2018-03/11/c_1122521235.htm (data obrashheniya: 5.5.2018 g.).

43. 中华人民共和国宪法 (Konstitutsiya KNR) // *Chinese Government*, [EHlektronnyj resurs]. Mode of access: http://www.gov.cn/gongbao/content/2004/content_62714.htm (data obrashheniya: 8.5.2018 g.).

44. 中华人民共和国行政区划 (Administrativnoe delenie KNR). – 2018. [Электронный ресурс]. Mode of access: http://www.gov.cn/guoqing/2005-09/13/content_5043917.htm (data obrashheniya: 8.5.2018 g.).

45. 中国的军事战略 (Voennaya doktrina KNR) // Chinese Government, [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2015-05/26/content_2868988.htm (data obrashheniya: 2.4.2018 g.).

46. 习近平出席中央外事工作会议并发表重要讲话 (Rech' Si TSzin'pina na Konferentsii rabotnikov sfery mezhdunarodnykh otnoshenij) // Xinhuanet, [Электронный ресурс]. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-11/29/c_1113457723.htm (data obrashheniya: 1.05.2018 g.).

47. 1999年中俄关系大事记 (Sotrudnichestvo RF i KNR v 1999 godu) // Renminwang, [Электронный ресурс]. URL: <http://world.people.com.cn/GB/8212/104201/104367/10168617.html> (data obrashheniya: 1.12.2018 g.).

Самойлов Г.М. Внешние связи регионов КНР.

В статье рассматриваются политические и институциональные факторы развития внутригосударственными регионами КНР самостоятельных связей с зарубежными государствами и их регионами. Особое внимание автор уделяет вопросу акторности правительственных нецентральных субъектов в условиях сформировавшейся в стране унитарной системы административно-территориального устройства. Развитие внешних связей внутригосударственными регионами рассмотрено как инструмент решения общих внешнеполитических и внутриполитических задач центрального правительства.

Ключевые слова: *Китай, негосударственные акторы, внутригосударственные регионы, государственное управление*

Samojlov G.M. Foreign Relations of China's Sub-national Entities.

The article deals with political and institutional framework which enables China's sub-national entities to develop foreign relations with other states and their regions. The author pays special attention to the activity of the sub-national entities under China's unitary system of political organization. The article reveals the development of foreign relations by the sub-national entities as an instrument that the central government uses to address foreign policy and internal political challenges.

Key words: *China, non-state actors, sub-national entities, public administration*

Для цитирования: Самойлов Г.М. Внешние связи регионов КНР // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1. С. 46–55. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/46-55

For citation: Samojlov G.M. Foreign Relations of China's Sub-national Entities // Ojkumena. Regional researches. 2019. № 1. P. 46–55. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/46-55

